

Учение Анархизма. Фумико Канэко: очерки жизни, последние годы заключения и кончина в тюрьме Тотиги

“ Недовольные двигаются сообща и таким же образом принимают на себя самые жгучие облавы, они — это те, кто с товарищеским духом, выходят

достигать свобод, создавая Вашим господам дискомфорт! (**Фумико Канэко**)

2025, источник: Учение Анархизма. Статья представляет из себя переводы записей, статей и другого письменного материала по поводу последней деятельности, судебного следствия, пребывания в тюрьме, а затем кончины анархистки Фумико Канэко. Все источники указаны в круглых скобках по ходу написания статьи.

Даже с имеющимся количеством информации статья неполная. Есть еще достаточно материала, который будет переведен и добавлен. По ходу дополнений и правок будет объявлено в авторском telegram-канале [«Учение Анархизма»](#).

Немного о жизни Фумико

Фотография Фумико Канэко, сделанная предположительно в тюрьме Ичигая.

Как показывают ее мемуары, с раннего детства ее жизнь была полна страданий, лишений и трудностей. Ее родители не были официально женаты и не зарегистрировали ее рождение в семейном реестре. [...] Чтобы поступить в школу, устроиться на работу или иметь какой-либо правовой статус, человек должен был представить прописку по месту жительства. Таким образом, когда Фумико впервые поступила в школу, у нее не было правового статуса, поэтому ей разрешили посещать занятия только в качестве слушателя (Микисо Ханэ. Тюремные мемуары японки). С 9-ти до 16 лет она проживала в Корее и подвергалась дискриминации от бабушки и тетки. В 17 переехала в столицу — Токио, где, пока продавала газеты, посещала школу английского языка «Сэйсоку» и познакомилась с Хацуе Ниямой*. В ресторане «Одэн» у нее случилась встреча с Пак Елем — корейским анархистом и деятелем национального освобождения. (Юмэно Гиндзи. Всеобщее притюренное кладбище Тотиги — место погребения Фумико Канэко)

* Хацуе Нияма — Лучшая подруга Фумико Канэко. Они познакомились на вечернем курсе в школе английского языка «Сэйсоку», где они вместе изучали язык. Они сблизились, когда Фумико высказала свое мнение Нияме, которая обсуждала тему смерти с одним из учеников. Нияма страдала туберкулезом и с детства часто думала о смерти. Фумико же подвергалась насилию в доме дяди, где ее удочерили, и пыталась покончить жизнь самоубийством. Эти двое, обе пережившие смерть нашли нечто общее. Фумико много читала у Хацуе и находилась под сильным влиянием идей Штирнера, Арцыбашева, Ницше и других, но сама Нияма предпочитала размышления о себе, а не чтение. Она называла себя индивидуалисткой, постоянно терзаемой «чувством бунтарства без цели».

Фотография Хацуе Ниямы.

([Веб-мемориальный музей Канэко Фумико](#))

Вот, что пишет сама Фумико по поводу раннего детства в собственных тюремных мемуарах:

«Я помню, как мама забрала папу из какого-то места, которое, я так понимаю, было борделем. А еще я помню, как отец проснулся ночью и вытолкнул маму из комнаты со злобным лицом. Иногда он возвращался домой поздно вечером, громко распевая на весь город. Мама послушно вешала его одежду на гвоздь в стене, доставала из кармана фантики из-под конфет или мандариновых корок, с обидой смотрела на них и говорила: "так много... И ничего ребенку не купил..."»

** * **

«Мне тогда уже было семь. А так как я родилась в январе, то как раз достигла школьного возраста. Однако, будучи незарегистрированной, я не могла ходить в школу.

Ой, незарегистрированной! Я еще ничего не успела объяснить, мне нужно хотя бы вкратце объяснить, о чем идет речь.

*Почему я была незарегистрированная? Официальная причина заключалась в том, что мама все еще не была вписана в семейную книгу отца. Но почему? Позже, от тети, я узнала реальную причину, которая, наверное, была наиболее правдоподобной. По ее словам, папа с самого начала не собирался оставаться с ней на всю жизнь и хотел оставить ее, как только найдет более подходящую пару. Поэтому он специально не регистрировал ее. Возможно, это была ложь, сказанная им, чтобы угодить тете. Может быть, также, папа считал, что не должен вписывать крестьянку из горной долины Косю в свою реестр, как супругу из знаменитого рода Саэки. В любом случае, из-за всего этого, я оставалась незарегистрированной до семи лет»**

** * **

«Появились средние школы, женские школы, специальные учебные заведения, университеты и заведения для принцев. Дети буржуазных семей, в костюмах и обуви, даже ездившие на автомобилях, проходили через эти двери. Но что из этого? Сделало ли это меня хоть немного счастливой?

Недалеко от моего дома, всего в полтора квартала, жили две мои подруги. Обе были моего возраста, и обе пошли в школу. Они носили коричневые хакамы, на голове у них были большие красные ленты, и, крепко держа друг друга за руки, они спускались по переднему склону, весело помахивая руками и напевая песенки. Я же сидела у корня вишневого дерева перед домом, смотрела на них и чувствовала, как сильно мне хотелось быть на их месте, как горько и одиноко мне было.

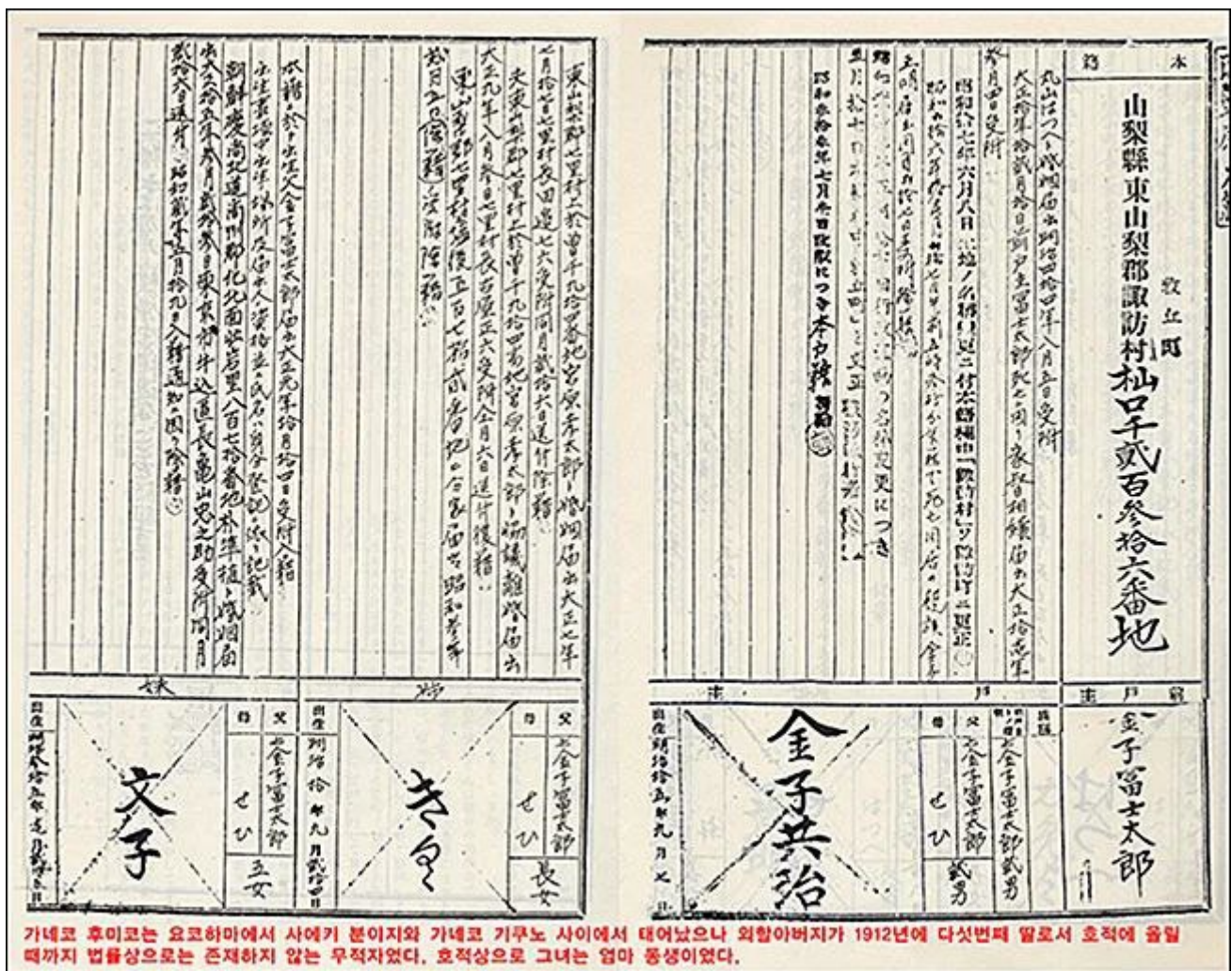
Ах, если бы на свете вообще не было школы, мне не пришлось бы так часто плакать. Но в таком случае я бы не увидела того счастья, которое было у этих детей.

Конечно, в те времена я еще не знала, что радость каждого человека поддерживается только через страдания других.

Я хотела читать книги. Я хотела научиться писать. Но ни папа, ни мама не научили меня даже одной букве. У папы не было искренности, а у мамы не было даже способности прочесть одну строчку. Когда мама приносила домой газету или обертки от покупок, я раскладывала их и, не зная, что там написано, просто подставляла свои мысли и пыталась "читать"»

(Фумико Канэко. Что меня побудило сделать так?)

* Официальные книги семейного реестра «Косэки» в Японии созданы с целью контроля власти за динамикой населения страны. Супружеские пары, которые по японскому законодательству должны иметь одну и ту же фамилию, и их неженатые дети регистрируются в одном документе. Выписка из косэки служит удостоверением личности, подобно свидетельствам о рождении в других странах. В случае важных событий в жизни, таких как рождение нового члена семьи, граждане обязаны уведомлять власти и обновлять свои записи в косэки. Реестры составлялись главой семьи и содержали информацию о родственных связях членов семьи, их возраст, пол, место проживания и т. д.

가네코 후미코는 요코하마에서 사에키 분이지와 가네코 기쿠노 사이에서 태어났으나 외할아버지가 1912년에 다섯번째 딸로서 호적에 올릴 때까지 법률상으로는 존재하지 않는 무적자였다. 호적상으로 그녀는 엄마 품장이었다.

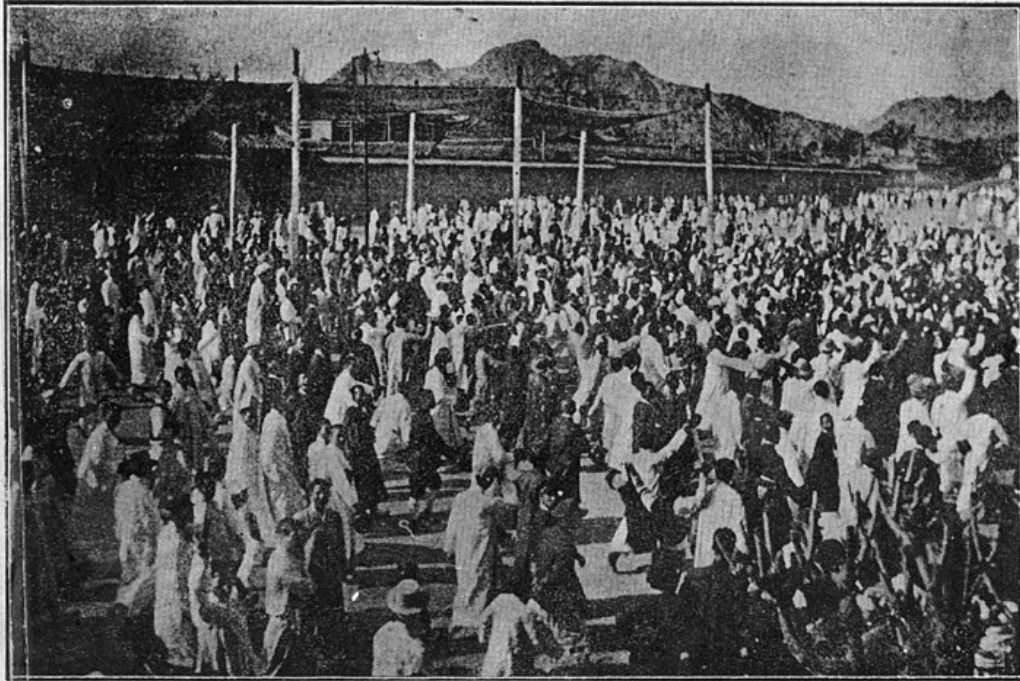
Копия семейного реестра Фумико, которая была зарегистрирована как пятая дочь своего деда.

Фумико была девушкой сильной воли и независимого ума. Это видно по ее жизни в Токио, как видно из ее мемуаров. [...] Она отправилась в Токио, чтобы построить свою собственную жизнь, продолжая обучение, одновременно работая газетчицей, торговкой мылом, горничной и официанткой. Как она сама отмечает, она разочаровалась в женской школе в центральной Японии, где упор делался на домоводство. Она хотела изучать математику, английский, классический китайский и в конечном итоге поступить в медицинский вуз, поэтому выбрала школу, где учились преимущественно мужчины. Ее феминизм проявляется, когда она говорит, что хочет соревноваться в учебе с ними и побеждать. Несмотря на то, что ее формальное образование было неоднородным, она, несомненно, была яркой личностью. Она много читала и была знакома с идеями Бергсона, Герберта Спенсера и Гегеля. Она вспоминает, что особое впечатление на нее произвели такие мыслители-нигилисты, как Макс Штирнер, Михаил Арцыбашев, Ницше и Кропоткин. (*Микисо Ханэ. Тюремные мемуары японки*)

При жизни она была очень сентиментальна: много разговаривала, много смеялась, а когда в беседе случайно поднималась тема ее пребывания в Корее, она заливалась слезами и горько рыдала, но считала должным рассказать о своей жестокой и несчастливой жизни до конца, несмотря на то, что рядом стоящий Пак Ель хмурился и останавливал ее. Ох, чувствительная Фумико...

Если она начинала делать какую-либо работу, она втягивалась в нее с головой настолько, что даже забывала поесть. Она ничего не ждала от жизни, скорее была в отчаянии, но горько улыбалась бездне своей безнадежности. (*Кадзуо Курихара. Неизгладимое зрелище*)

Основание бунтарской группы и ее деятельность

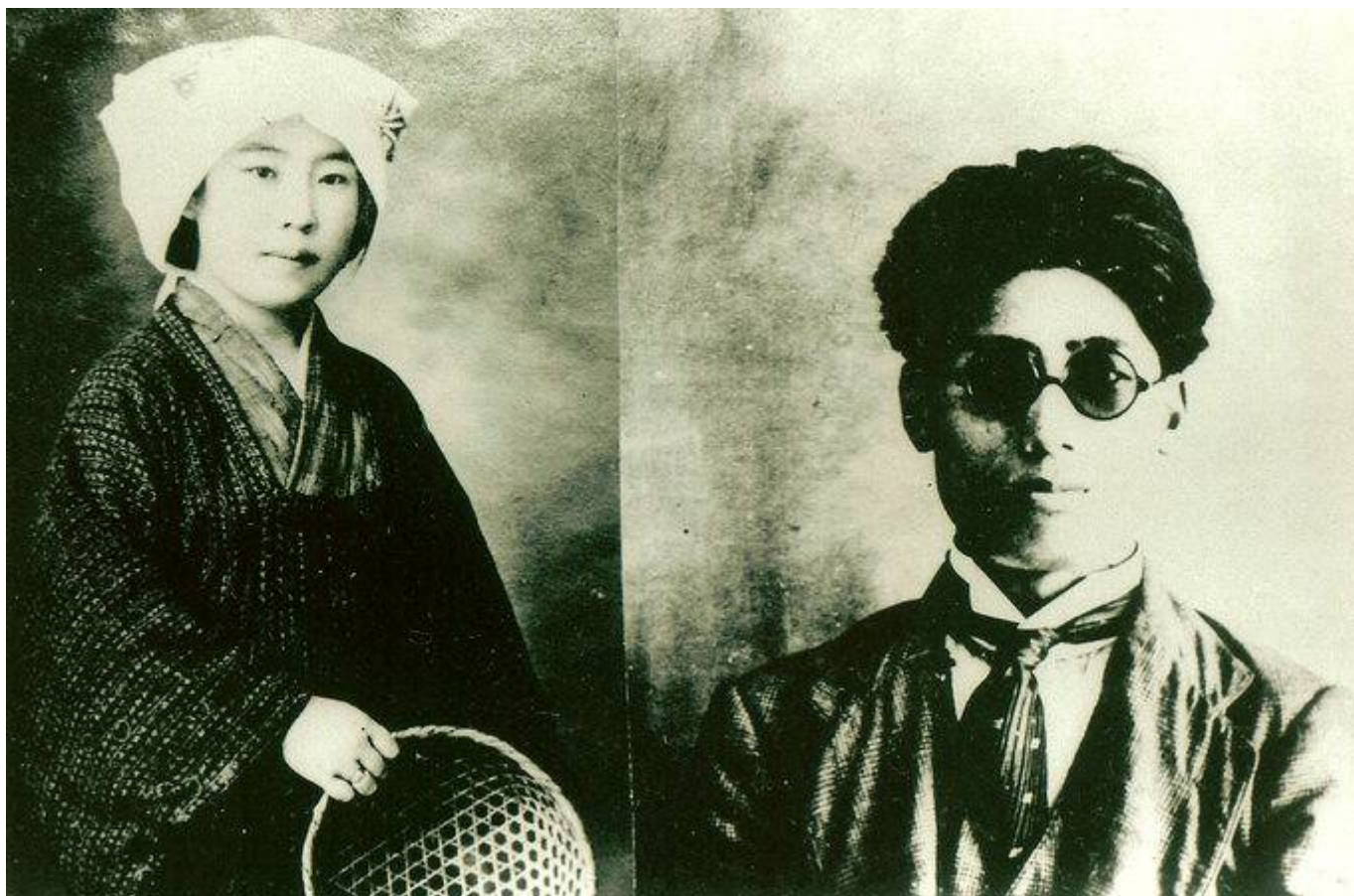

Demonstration for independence in the Park. The Koreans are seen shouting "Mansei" with their hands up in the air. Not a single man is armed.

Демонстрация за независимость Кореи. Корейцы кричат «Мансэй!» («10 тысяч лет жизни!»), поднимая руки в воздух.

(Брошюра Красного Креста о движении 1 марта)

После аннексии Кореи Япония ввела жесткие административные меры против корейского народа. Полиция и вооруженные силы были задействованы для подавления любого сопротивления против японской оккупации; у корейских крестьян были конфискованы большие участки земли, в результате чего они оказались в нищете. Многие покинули родину в поисках работы в Японии, где их использовали в качестве строительных рабочих и шахтеров, часто в тяжелых условиях. В марте 1919 года, незадолго до отправки Фумико Канэко в Японию, корейцы устроили массовую демонстрацию с требованием независимости своей нации (именуемую еще «Движением 1 марта» или «Движением Самиль»). По меньшей мере две тысячи корейцев погибли, а двадцать тысяч были арестованы. (Микисо Ханэ. Тюремные мемуары японки)

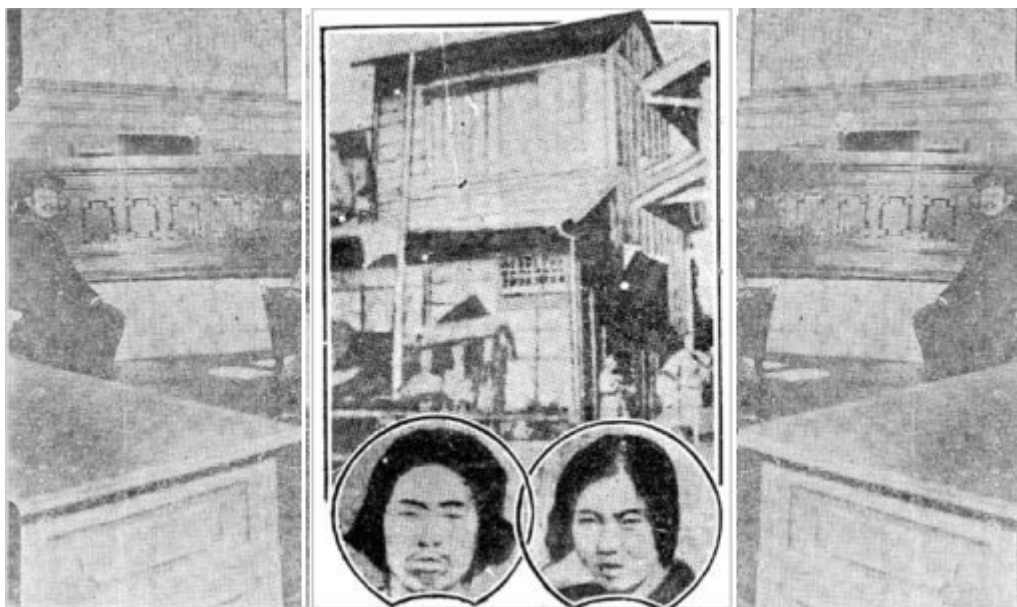

Фотографии Фумико Канэко и Пак Еля еще до следствия.

(«Черные товарищи» против японской оккупации)

Когда Фумико Канэко наконец вернулась обратно в Японию, на фоне вышеописанного обращения императорского правительства с корейским народом, она, объединившись с Пак Елем, в апреле 1923 года основала нигилистическую организацию бунтовщиков под названием «Ропотники»*. Целью группы было «не национальное и не социалистическое, а просто бунтарское движение».

* «Ропотники» — это подобранная нами локальная интерпретация к «Обществу недовольных» или «Футэйшя». Сами же Фумико Канэко и Пак Ель взяли это название для своей организации из презрительного обращения правительства по отношению к непослушным корейцам, которых они обзывали «недовольными», или же по-японски 不逞 . Основатели общества лишь посмеялись над правительством, взяв презрительное слово в самоназвание группы. Нам показалось, что слово «ропот» сюда подходит лучше всего как никакое другое.

Штаб «Ропотников».

(Когда судья спросил: «Как зовут подсудимого?», он ответил: «Меня зовут Пак Ель»)

Организация стремилась объединить всех, кто испытывал сопротивление к тогдашним общественным устоям, независимо от их национальной принадлежности. Из 23 членов организации 17 были корейцами, а 6 — японцами. Основную часть составляли анархисты, но, как следует из цели создания, это не была социалистическая организация. Это было разнородное собрание студентов, торговцев, плотников, учителей вечерних школ, священнослужителей, художников-карикуристов и т. д. Единственное, что их объединяло, — это то, что все они были молодыми людьми в возрасте 20 лет.

Кадзуо Курихара

Кадзуо Курихара присоединился к организации, когда в конце июня посетил дом Пак Еля, который отправил ему приглашение. В то время Ель и Фумико снимали двухэтажный дом в городке Ееги, расположенном в микрорайоне Томигая района Тойотама, Токио (ныне район Сибуя). На стене второго этажа красной краской было нарисовано большое сердце, а над ним красовалась черная надпись «мятеж». Этот дом производил сильное впечатление, так как его можно было увидеть даже с улицы. Кадзуо с того момента жил у них, пока 25 августа не нашел собственное жилье и 28-го не переехал.

金子文子追悼式에 參加한 同志들. 左로부터 栗原一夫(不逞社同志), 古川時雄(同志), 한예상(韓예相 不逞社同志)

Фотография Кадзуо Курихары (слева).

(Неукротимый патриот Пак Ель, пожертвовавший собой ради страны!)

Он — товарищ Фумико Канэко, издавший ее тюремные записки. Он познакомился с Фумико, когда потерял работу после расформирования фармацевтической компании и работал поденщиком, то есть примерно в июне 1923 года. Будучи безработным и имея много свободного времени, он бродил по антикварным книжным магазинам в Канде и наткнулся на листовку, в которой адвокат Тацудзи Фусэ объявлял о проведении митинга, осуждающего незаконное заключение корейцев. Митинг должен был состояться именно сегодня, и он пошел в Молодежный центр, где он должен был проходить.

“ «Я пришел рано и ждал перед зданием, когда из него вышел человек. Я спросил, во сколько начнется мероприятие, и он ответил: «Думаю, в семь часов. Раньше не начнется». Это был соратник Фумико и ее возлюбленный Пак Ель»

Позже, когда Кадзуо уже числился в организации и жил там, Фумико рассказала ему о своем опыте в Корее, где она провела период с 9 до 16 лет. Ее усыновил дядя, и она пережила жестокое обращение. Она также узнала, что корейцы подвергаются угнетению и дискриминации, как и она сама. Она стала свидетельницей Движения за независимость 1 марта и испытала такой восторг, что невольно подумала: это случилось с кем-то другим. Когда она начала говорить об этом, ее эмоции стали настолько сильными, что она не могла остановиться, и даже когда Пак Ель пытался ее остановить, она продолжала говорить быстро и без остановки, слезы ручьем текли по ее лицу. Курихара внимательно выслушал

Фумико. Именно поэтому ему удалось восстановить ее записи, которые были подвергнуты цензуре и изорваны в клочья, сделав их нечитаемыми. Позже Кадзуо вспоминал Фумико как «добрую и отзывчивую девушку». (Фумико Канэко и Кадзуо Курихара 2. Участники «Ропотников»)

Великое землетрясение Канто и корейский погром

Великое землетрясение Канто.

(Великое землетрясение Канто 1923г. - 90% погибших приходилось на Токио и Йокогаму)

1 сентября в Токио внезапно произошло сильное землетрясение, и город превратился в ад. В этой ситуации японское правительство и военные, чтобы предотвратить народные волнения, подобные тем, что произошли во время рисовых бунтов 1918 года*, объявили военное положение в Токио и еще пяти соседних префектурах и ввели войска. Полностью вооруженные солдаты и полиция воспользовались этой возможностью для массового убийства социалистов и корейского населения. Также во время истерии, вызванной землетрясением, среди людей распространились дикие сфабрикованные слухи о том, что недовольные корейцы воспользовались катастрофой, чтобы грабить, мародерствовать и убивать людей. В результате намеренного распространения правительством ложных новостей, даже дружинники и простые люди, организуя отряды линчевателей, приняли участие в этой безумной резне, в результате которой были безжалостно убиты Осуги Сакаэ и другие руководители профсоюзов, а также около 6 тысяч корейцев... Еще около 6 тысяч человек были арестованы.

* *Рисовые бунты* — крупнейшие в истории Японии стихийные народные восстания, явившиеся результатом обострения внутренних капиталистических противоречий и происходившие под влиянием Октябрьской революции 1917 в России.

Мародерства корейцев, совершаемые народным ополчением во время землетрясения.

(«Я ублюдок». Пак Ель, «делинквентный подросток» Кореи)

В своих тюремных мемуарах Фумико писала об этом происшествии следующее:

“ «1 сентября 1920 года, 11:58. Сильный подземный толчок потряс регион Канто, в который входит имперская столица Токио. Дома скрипели и ныли, гротескно перекручивались и рушились. Жители были погребены заживо, а те, кому посчастливилось вовремя спастись, бегали по улицам с криками, как обезумевшие животные. То, что когда-то было процветающим центром цивилизованного мира, в мгновение ока превратилось в сам ад.

Афтершоки и сильные землетрясения продолжались. Облака, словно шлейфы большого вулкана, кружились и поднимались к небу. Имперская столица окончательно покрылась черным дымом из-за огромного пожара, вспыхнувшего со всех сторон.

Ужасные толчки оставили население в тисках страха. Затем стали распространяться возмутительные слухи, и началось столпотворение»

(Фумико Канэко. Что меня побудило сделать так?)

Великое землетрясение изменило жизнь многих людей, и Курихара был одним из них. Землетрясение произошло через четыре дня после его переезда, и его новый дом был разрушен. Сначала он укрывался в бамбуковой роще, а затем пошел к Пак Елю, и в тот вечер спал на лугу перед домом. О том, что произошло в тот день, Фумико позже написала Кадзуо в письме:

“ «В тот день землетрясения мы сидели на сложенных татами на лугу близ того дома, болтали ни о чем и ели состряпанный скудный рис. (Средняя

часть опущена). На насыпи внизу беременная женщина играла на тайсегото**. На широких просторах вдали пылало брагяное рисовое поле. Луна изменилась в солнце... Ах, какой был потрясающий закат!»

Позже Курихара отправился в Осаку с целью поиска работы. Уже вернувшись обратно 16 октября он был задержан сыскным, который поджидал его. Обвинили в нарушении «закона об общественной безопасности». (Фумико Канэко и Кадзуо Курихара 3. Задержание членов «Ропотников»)

** Тайсегото — японский струнный струнный музыкальный инструмент. Название происходит от периода Тайсе (1912-1926), когда инструмент впервые появился. По сути, это клавишный псалмодикон с несколькими струнами.

Фабрикация злодеяний корейского народа и облава на группу

日十二月十年二十正大 (大正二十二年十月二十日) (第三種郵便物)

震災の混乱に乗じ 鮮人の行つた兇暴

掠奪—放火—兇器—爆彈毒藥携帯
中には婦人凌辱もある
但し一般鮮人は順良—司法當局談

震災の混乱、人心恟々たる隙に乗じて行つた不平鮮人の悪事は、誇大に報ぜられ人はその真相を知るに苦しんでゐた、しかも當局が新聞記事を差止めた爲、當時記載する事ができなかつたが事件は二十日やうやく報導の自由を得た。之について司法當局は「今度の變突に際し、鮮人中不法行爲をしたものありと盛に宣傳されたが今其筋の調査した所に依れば、一般鮮人は概して順良であつたと認め得るが、一部不平の徒があつて幾多の犯罪を敢行したのは事實である」と語つた。

本所で掠奪

▲氏名不詳の鮮人一名(兇器) 本所で掠奪した。...

大倉倉庫に放火

▲氏名不詳の鮮人一名(兇器) 大倉倉庫に放火した。...

凌辱を達せず掠奪

▲氏名不詳の鮮人三名(兇器) 凌辱を達せず掠奪した。...

兇器で脅迫

▲氏名不詳の鮮人一名(兇器) 兇器で脅迫した。...

少女を凌辱

▲氏名不詳の鮮人一名(兇器) 少女を凌辱した。...

Статья в газете «Йомиори». Выпуск 21 октября 1923 года.

Пак Ель и Фумико Канэко были арестованы 3 сентября с целью защиты общественного порядка. Японские жандармы под предлогом «бродяжничества без постоянного места жительства или средств к существованию» поместили их на месяц под стражу, а затем

арестовали и предъявили обвинение в нарушении «запрета на тайные объединения». Эти меры были приняты в соответствии с заранее разработанным планом правительства, которое долгое время следило за Пак Елем и членами организации (Анархист-активист движения за независимость доктор Пак Ель). В это время другие члены общества «Ропотников» также были арестованы, и 20 октября 16 человек, включая Кадзуо Курихару, были обвинены в нарушении «закона о полиции общественного порядка». Также тогда был день, когда газетным репортажам позволялось сообщать информацию о массовых убийствах корейцев. Но в газетах, которые сообщали вести о самосудах над корейским населением, появился пугающий заголовок: «Задержание членов тайного общества непокорных корейцев». Это создавало впечатление, будто действительно существовали недовольные корейцы, замышлявшие злодеяния. «Ропотники» не были тайной организацией. Разве тайная организация напишет на стене второго этажа большими буквами «мятеж», чтобы их могли увидеть все прохожие? (Фумико Канэко и Кадзуо Курихара 3. Задержание членов «Ропотников»).

震災の混乱に乗じ

鮮人の飽くなき暴行

道に内地婦人を襲うて殺害

強盗放火を随所に

今回の震災に際し鮮人で不法行為をしたものゝあつた事は既に喧傳されたがその筋の調査した所によれば一般鮮人は概して順良と認められるけれども一部に不逞の徒あつて幾多の犯罪を行つた、その大要左の如くである

○九月一日午後六時頃本所中の郷付近で鄭烈愛は捕火者から衣類道具を掠奪
○一日午後八時過氏名不詳の鮮人一名日本樹原北積町一石橋際大谷倉庫に放火

掠奪—放火

○一日午後十一時過本所柳島電

車終點で金孫順が通行の内地婦人を辱しめんとして果さずバスケットを強奪し一時龜戸署に拘縛されたが類焼の爲解放
○一日午後十一時妻金山外卅名の一團が本所區柳島元町一六九吳服商中里奥三方に押入り店員に暴行を加へ吳服類を強奪
○一日午後六時から十一時に亘り氏名不詳の鮮人十五六名が本所押上町一六五牧野彌入、同柳島元町洋品店應取幸次郎、同一六五洋食店安田俱二、同一六九村上興源方を襲ひ商品を奪ひ酒食を喰り金品を掠めた
○一日夜から三日に亘り自稱金某外四名が月島に入込み磯成中の民衆に短銃を放ち或は刀根棒で襲撃し内四名取押へられその内一名は一日夜深川東森下町しる粉屋に放火し、金某は二日午後九時、島三號地渡邊倉庫の號二棟を焼いた
○二日午後二時鮮人三名は深川宮川町三五番橋勝治を兇器で傷け金圓を強奪せんとしたが抵抗されて逃走

Статья в газете «Токио ничи-ничи Симбун». Выпуск 21 октября 1923 года. Наглядный пример ненавистного отношения.

Перевод заголовка: «Воспользовавшись смятением от бедствия, корейцы совершают бесчисленные акты насилия — нападают на японских женщин, убивают, грабят, поджигают повсюду!»

Элен Боэн рассуждает в своем эссе, что если бы группа не состояла в основном из корейцев, их, вероятно, не арестовали бы, якобы для их собственной «защиты»; Более того, обвинения, возможно, не переросли бы из бродяжничества в нарушение закона о контроле над взрывчатыми веществами, а затем в государственную измену, в которой в конечном итоге Пак и Канэко были обвинены. Однако были веские основания подозревать «законный» заговор с целью использовать его дело как в качестве предупреждения другим не сопротивляться японскому империализму, так и в качестве оправдания резни, которой подвергались в основном корейцы. Японские власти подверглись осуждению со стороны иностранной прессы и дипломатов за то, что допустили такое злодеяние, поэтому это дело позволило им утверждать, что корейцы действительно замыслили подрывную деятельность: дело Пак Еля/«Ропотников» было наглядным доказательством якобы реальной опасности того, что корейцы «создают беспорядки» на фоне разрушений и массового замешательства после землетрясения, словно пытаясь воспользоваться этим в своих собственных мятежных целях. (Сопротивление различиям: половое равенство и его законные и незаконные (анархистские) защитники в императорской Японии)

Задержание Фумико и Еля

Фотографии Фумико и Еля в газете.

(Фумико Канэко, супруга Пак Еля)

В 22 году эпохи правления Сева (1947)* из законодательства была исключена статья №73 «об государственной измене». До этого причинение вреда императору, принцу-наследнику и другим привилегированным лицам считалось уголовным даже на стадии планирования и уже требовало наказания, а наказанием тогда была только смертная казнь. Это было одно из 4-х дел в «Инциденте Пак Еля»**.

* В Японии практикуется метод летоисчисления «Гэнго», где отчет ведется от начала правления императора. При смене власти эпоха заменяется.

** Инцидент Пак Еля — так именуется инцидент гос. измены Пак Еля, Фумико Канэко и общества «Ропотников».

Как уже известно, в 12 году эпохи правления Тайсе (1923), 2 дня спустя после пробудившегося 1 сентября Великого землетрясения Канто, Пак Еля и его гражданскую

жену Фумико Канэко вызвали в полицию. Корейцев начали арестовывать «во имя защиты», так как во время хаоса после землетрясения они начали подвергаться самосудам, хотя впрочем, уже были давно помечены у правительства (Юмэно Гиндзи. Всеобщее притюремное кладбище Тотиги — место погребения Фумико Канэко). Фумико описывает задержание в собственных тюремных мемуарах следующим образом (этот отрывок следует сразу после слов о Великом землетрясении):

“ «После этого прошло совсем немного времени. Меня забрала полиция по приказу того, кому было поручено охранять имперскую столицу.

Для чего это было сделано? Я не имею права разглашать. Могу лишь сказать, что через некоторое время меня вызвали на предварительное заседание в Токийский окружной суд.

Охранник провел меня через дверь суда, где меня уже ждал судья в сопровождении секретаря. Увидев меня, он начал готовить для меня место подсудимого. Тем временем мне пришлось молча стоять у входа в зал, держа в руках свою фукаамигасу***. Судья смотрел на меня со спокойным выражением лица.

В конце концов меня отвели к месту подсудимого. Судья некоторое время смотрел на меня, как будто ему нужно было осмотреть меня до глубины души, а затем тихо заговорил.

— Ты Фумико Канэко?

Когда я согласилась, он проявил удивительную мягкость. — Я судья предварительного следствия по вашему делу, Татемацу, — сказал он, представившись.

— Понятно. Пожалуйста, будьте снисходительны, — ответила я с улыбкой. После этого начался типичный досудебный допрос. Но даже во время досудебного допроса судья, похоже, воспользовался важной возможностью для дальнейшего допроса»

(Фумико Канэко. Что меня побудило сделать так?)

* Фукаамигаса — шляпа с глубоким плетением.

Сознание в замышленном

Также ниже процитирован фрагмент одного из допросов Фумико, состоявшегося 22 ноября 1923 года:

“В: Каково ваше мнение о японском государстве и его социальной системе?

О: Я делю японскую государственно-социальную систему на три уровня: первый класс — члены королевского сословия. Второй класс — министры правительства и другие носители политической власти. Третий класс — широкие массы населения. Я считаю первый класс, королевский клан, жалкими жертвами, которые живут как заключенные, чьи передвижения строго регламентированы, так же как и передвижения императорского регента*. Я считаю их жалкими марионетками и деревянными куклами, которыми манипулирует второй класс, настоящие носители власти, чтобы запудрить глаза массам. Третий класс, массы, как я уже упоминала, находятся в безнадежном невежестве. Второй класс, носители политической власти, обладают реальной властью преследовать слабых, таких как я. По этой причине я не испытываю ничего, кроме горькой ненависти к ним. В то время как на самом деле второй класс является реальным носителем власти, первый класс является формальным носителем власти. Таким образом, эти два класса идут рука об руку. Следовательно, я ставлю первый класс на второстепенный уровень и направляю свои мятежные чувства против второго. Я также подумывала о том, чтобы бросить бомбы в оба класса. Мы с Пак Елем обсуждали это. Я веду дневник о своих днях в тюрьме. 6 ноября я написала:

«Правами людей разбрасываются власть имущие так же легко, как и мячами. В конце концов правительственные чиновники бросили меня в тюрьму. Но позвольте мне дать им совет. Если вы хотите, чтобы нынешний инцидент не принес плодов, вы должны убить меня. Вы можете держать меня в тюрьме годами, но как только я выйду на свободу, я продолжу жить как прежде. Я уничтожу свое тело и избавлю вас от лишних хлопот. Вы можете отправить меня куда угодно, на гильотину, если хотите, или в тюрьму в Хатиодзи. Все мы когда-нибудь да умрем. Так что делайте, что хотите. Вы только докажете, что я жила в соответствии со своими убеждениями. Я совершенно довольна этим».

Вы ожидаете, что я пойду на компромисс с вами, изменю свой образ мышления и буду жить в соответствии с нормами общества? Если бы я хотела пойти, то я бы пошла еще тогда, когда жила среди этих норм. Вам не нужно проповедовать мне об этом. У меня достаточно здравого смысла, чтобы это понять. Я готова ко всему, что вы можете со мной сделать. Так что поступайте, как хотите. Не сомневайтесь. По правде говоря, я хотела бы еще раз выйти в мир. Я знаю, что мне нужно только сказать: «Я изменила свое мнение» и склонить голову. Но я не могу уничтожить свое нынешнее

«я», чтобы мое будущее «я» могло выжить. Офицеры, позвольте мне еще раз смело заявить вам: «Вместо того, чтобы преклоняться перед властью имущими, я предпочитаю умереть и остаться верной себе! Если это вам не нравится, вы можете отвезти меня куда угодно! Я не боюсь ничего, что вы можете со мной сделать». Так я чувствовала в прошлом, и так я чувствую сейчас.

В: Вы познакомились с Пак Елем после того, как у вас сформировалось такое мировоззрение?

О: Да, верно. После того, как я встретила Пака, мы поговорили о наших идеях и обнаружили, что наши взгляды схожи. Поэтому, чтобы работать вместе, мы начали сожительство»

(Микисо Ханэ. Размышления на пути к виселице)

* Начиная с эпохи Мэйдзи (1868—1912) император использовался лишь как формальное лицо государства, страной начали управлять чиновники. Япония во время Реставрации Мэйдзи (1868—1889) превратилась из феодального государства в промышленное по европейскому образцу.

Неосуществившийся план и предательство

После досудебного следствия 16 членов общества были обвинены в том, что «приобрели бомбу и намеревались воспользоваться подходящим случаем, чтобы использовать ее в Токио с целью нарушения общественного порядка и нанесения ущерба жизни и имуществу людей», то есть в подготовке террористического акта с использованием взрывчатого вещества.

Около 20 мая Пак Ель спрашивал можно ли как-нибудь раздобыть бомбу, на что Ким Джун Хан* предложил «поехать в Шанхай на месяц-два и поискать там союзников». Когда он сказал, что на это уйдет от тысячи до двух тысяч йен, Ель онемел и ответил: «Я и сам едва свожу концы с концами...». Что касается даты осуществления желаемого, Пак Ель то говорил, что «хорошо этой осенью» или «лучше первого мая», а что касается места, то он не мог определиться: «Можно бросить в парламенте, можно и в императорском театре». (Фумико Канэко и Кадзуо Курихара 4. Неясный заговор с бомбой)

* Ким Джун Хан — Пак Ель познакомился с ним через общего знакомого в январе 1923 и они несколько раз обменивались письмами. Джун Хан, желая узнать больше об анархизме от Еля, приехал в Токио из Сеула в апреле. Пак Ель также показал Фумико письмо Ким Джун

Хана, и у нее сложилось о нем благоприятное впечатление, она сказала, что он был «редким человеком, понимающим анархизм».

Однако Ким Джун Хан, который решил сам поехать в Шанхай, так этого и не сделал. Он влюбился в Хацзе Нияму, которая тоже членствовала в группе, и из анархиста превратился в «личного гедониста». Он не только разошелся с Пак Елем в идеологии, но и опрометчиво рассказал Хацзе о плане приобретения бомбы. Нияма впервые встретила Кима 27 мая 1923 года на собрании общества. После этого они часто встречались, и 7 июня Ким Джун поздно вечером пришел к Хацзе домой и остался на ночь, поскольку уже не ходили поезда. Отсутствие поездов было лишь предлогом, и, скорее всего, он с самого начала планировал остаться с ней. Однако в то время у Хацзе был другой парень, но она, по ее словам, «позволила событиям развиваться естественным образом», чтобы избежать неприятностей, а Ким Джун Хан и после этого много раз приходил к ней домой. Хацзе Нияма, возможно, сдалась или поддалась чувствам, и вскоре между ними завязались любовные отношения.

Раскол организации

事件

開廷(本日解禁)

◇朴烈事件寫真說明◇

上 秘密結社の根據地外
首犯朴烈同愛人文子

下 朴烈の共犯金重煥同
同人の愛人新山初代

の写真

Фотографии участников организации: Пак Ель и Фумико Канэко, Хацуе Нияма и Ким Джун Хан.

(Candle Demo 1st Anniversary Tour 12)

Однажды Хацуе спросила Пака о возможности выйти из организации, но тот объяснил: «цель общества — собирать людей», «далее можно действовать по своему усмотрению» и «само общество не будет предпринимать никаких действий», и она с неохотой осталась. (Фумико Канэко и Кадзуо Курихара 4. Неясный заговор с бомбой)

Влюбившись в Хацуе, Ким Джун Хан забыл о своей первоначальной цели. Он приехал в Японию с анархистскими стремлениями, но его энтузиазм по отношению к общественному движению постепенно угас. Мало того, он был болтливым. Он не только проболтался о плане по приобретению бомбы, но и рассказал ей о том, что Пак Ель легкомысленно заметил: «Я знаю одну идейную, больную туберкулезом. Туберкулезники все равно быстро мрут, так что самое то бросить бомбу именно ей». Хацуе, естественно, возмутилась, думая, что речь идет про нее. С другой стороны, Ель также разочаровался и в Ким Джуне, который, увлекшись любовью, не питал энергии к цели. (Фумико Канэко и Кадзуо Курихара II Лучший друг Фумико — Хацуе Нияма). Отношения между Джун Ханом, Хацуе и Пак Елем ухудшились, и 11 августа на очередном собрании между ними произошел конфликт: Ким Джун Хан упомянул несостоявшуюся поездку в Шанхай, спросив «почему после этого его отношение к нему изменилось», а Ель ответил, отчего началась перепалка:

“ «— Ты упустил хорошую возможность из-за своей трусости!

Незамедлительно последовал ответ Джун Хана:

— Причина в том, что я легко меняю свое мнение, и сегодня я твой товарищ, а завтра могу стать шпионом, ты же так о мне говоришь!? Пак Ель отрицал это заявление, но Хацуе вступила в разговор, подчеркнув:

— Пак действительно так говорил..., — и ситуация накалилась. До этого молчавшая Фумико Канэко тоже присоединилась к спору:

— Я не знаю, как там с этим (с поездкой в Шанхай), но я говорила с Елем и с Хацуе о том, что ты, Джун Хан, легко меняешь свое мнение. Например..., — Она указала на то, что журнал, который Ким Джун Хан обещал издавать, до сих пор не вышел ни в одном экземпляре. Услышав это, Ким Джун побледнел и рассердился. Фумико не растерялась и резко ответила, — *Мой дом — не место для ссор, если хочешь ссориться, тогда выходи на улицу и ссорься там!*»

Тогда Джун Хан начал тему про анархистскую организацию «Черное товарищество», организатором которой он был*, и начал осуждать Пак Еля. Журнал, о котором ранее упомянула Фумико, был журналом «Черного товарищества» под названием «Народное движение», редактором которого также был Ким. По идее, он, как редактор, должен был собирать средства, но, влюбившись в Хацуе, «ему надоело» (по его собственным словам) и

ушел с поста редактора. Несмотря на это, он обвинил Пак Еля в том, что тот «разрушает товарищество изнутри, чтобы сосредоточить свою власть в «Ропотниках».

Когда Ель отрицал это, Ким Джун Хан пришел в ярость, вытащил кинжал и закричал: «Я убью этого подонка!». В панике Хацзе воскликнула: «Ким, еще рано! Еще рано!». Кадзуо Курихара попытался остановить Джун Хана, отругав его: «Харе скучать». После этого спор продолжался, но Кадзуо ушел на улицу.

Прогулявшись 15-20 минут и вернувшись, он увидел, что ссора улеглась, и все смеялись и разговаривали. Курихара снова вышел на 5 минут, а когда вернулся, член группы Чхве Ен Хван спросил Хацзе Нияму: «Некоторое время назад ты сказала «Еще рано! Еще рано!»... Что это значило?». Хацзе оправдалась следующим образом: «Я слышала от Кима, что у него не могли наладиться отношения с Паком. Мне показалось, что в его словах есть некая причинность, поэтому я ожидала, что конфликт может дорасти до такого. Но Ким выхватил клинок еще до окончания разговора, поэтому я и сказала «еще рано!»...». К тому времени уже наступила ночь, и все остались ночевать в доме Пак Еля.

* «Черное товарищество» — Организация Ким Джун Хана, в которую входили Пак Ель, Фумико Канэко и несколько других членов «Ропотников». Однако в «Черном товариществе» царил внутренний раскол из-за идеологических разногласий. К тому же, Ким Джун Хан, арендовавший офис, съехал, и, поскольку некому было платить за аренду, офис превратился в обыкновенное общежитие для многих корейцев.

Это были показания Кадзуо Курихары на допросе. После четырех предварительных слушаний он был оправдан и освобожден осенью 1924 года. (Фумико Канэко и Кадзуо Курихара 6. Кадзуо Курихара и бунт), (Фумико Канэко и Кадзуо Курихара 7. Кадзуо Курихара и бунт)

Следствие и обвинение

Фумико сидит на коленях Еля во время предварительного следствия.

(23-летняя Пак Мун Джа)

Есть известная фотография, на которой Фумико сидит на коленях у Пак Еля, а его руки лежат на груди Фумико, что можно именовать как бесстрашие обоих. Считается, что изображение их двоих — «фотография инцидента с Пак Елем», было сделано в день заседания позже самим Татэмацу в суде предварительных расследований. Кайсэй Татэмацу любил фотографировать и всегда приносил с собой фотоаппарат в зал. Курихара вспоминает: «В тот день предварительное слушание уже закончилось, все были в хорошем настроении и решили сделать одну фотографию». 29 июля, через 6 дней после самоубийства Фумико Канэко, кто-то разослал эту фотографию вместе со скандальными документами по самым разным уголкам Токио. На следующий год, в январе 2-го года периода Сева, это подняли в парламенте. (Фумико Канэко и Кадзуо Курихара 7. Кадзуо Курихара и бунт)

25 января 1924 года состоялось 6-е предварительное заседание Фумико Канэко. Во время допроса стало известно о планах по приобретению взрывчатки. С этого момента японское правительство и прокуратура начали представлять «Ропотников» как организованную преступную группировку с целью поднятия восстания и убийства императора, то есть сочли их деятельность за «государственную измену» (Анархист-активист движения за независимость доктор Пак Ель). Хотя, действительно, некоторые участники общества, Фумико Канэко, Пак Ель и Ким Джун Хан, приехавший в Токио к Паку, разговаривали о таком. Например, Фумико в ходе расследования созналась: «Приблизительно в то время, когда я работала в ресторане «Ивасаки Оден», я размышляла о том, чтобы бросить бомбу в здание парламента и убить весь этот сброд». Пак Ель также сказал, что думал о том же еще до сожительства. Однако насчет осуществимости этого подрывного теракта еще остаются вопросы.

Фумико Канэко и Пак Ель называли пораженного болезнью императора (императора Тайсе) «калекой». Императорского наследника (будущего императора Сева) они называли

«пацаном», министров — «сбродом», а полицию — «буржуазными сторожевыми псынами», смеясь над ними [прямо во время заседания]. (Фумико Канэко и Кадзуо Курихара 4. Неясный заговор с бомбой)

Во время допросов Фумико демонстративно высказала свои политические убеждения. Власти, несомненно, использовали ее неприятие императорской системы для обоснования обвинения и смертного приговора. Фумико дерзко отвергала систему ценностей своего общества, которое угнетало беспомощных людей. Она выразила горечь, которую испытывала к своим родителям, и заявила, что отвергает все моральные принципы, особенно сыновнюю почтительность. На вопрос о семье она ответила:

“ «У меня нет семьи в истинном смысле этого слова. Она [мать] даже подумывала продать меня в бордель..... Мои родители не дарили мне никакой любви, но стремились извлечь из меня любую выгоду..... [Благочестие] основано на отношениях между сильными и слабыми..... Оно лишь прикрито привлекательно звучащим термином "сыновняя почтительность"*»

* *Сыновняя почтительность сяо — одно из центральных понятий в конфуцианской этике и философии, важный компонент традиционной восточно-азиатской ментальности. Сяо напрямую описывало подчинение детей родителям и косвенно — подчинение народа государю. Вне этой модели оставался только принцип подчинения жены мужу). Нарушение норм сяо считалось тягчайшим преступлением.*

Фумико утверждала, что единственный путь, по которому она может идти, — это «отрицать права всех авторитетов, восстать против них и поставить на карту не только свою жизнь, но и жизнь всего человечества». Так она обратилась к нигилизму и решила работать над разрушением всего сущего. Среди институтов, которые она надеялась уничтожить, была и императорская система. По ее словам, она объединилась с Пак Елем, потому что они оба были согласны работать над свержением императорской системы. «По своей природе люди должны быть равны», но в Японии люди неравны из-за императорской системы. Власти утверждают, что император - бог, но на самом деле он такой же человек, как и все остальные. «Поэтому мы решили бросить в него бомбу, чтобы показать, что он тоже умрет, как и любой другой человек» — сказала Фумико дознавателю. (Микисо Ханэ. Тюремные мемуары японки)

Исполняющий предварительное следствие, судья токийского окружного суда Кайсэй Татэмацу привлек обоих к следствию из-за «незаконного обращения со взрывчатыми веществами», потому что по полученным показаниям «они заготовили взрывчатку и, если бы не Великое землетрясение Канто, случившееся осенью 12 года (1923), совершили бы покушение на наследного принца прямо во время его брачной церемонии». [спустя 2 года после изначального обвинения] по результатам предварительного заседания оба были

привлечены к суду по причине совершения акта государственной измены (Юмэно Гиндзи. Всеобщее притюремное кладбище Тотиги — место погребения Фумико Канэко). Решающим фактором стало признание арестованной Хацуе, которая заявила, что «услышала от Пак Еля рассказ о революции» и «интуитивно поняла», что Пак Ель имел в виду «счастлирое событие этой осенью», то есть свадьбу наследного принца. Вероятно, она дала такие показания из-за своей неприязни к Пак Елю, но через месяц, 28 ноября 1923 года, Хацуе Нияма скончалась в одной из больниц Токио. Ее хроническая туберкулезная болезнь значительно ухудшилась во время содержания под стражей. Возможно, она не только ненавидела Пак Еля, но и страдала от боли и хотела поскорее выйти на свободу. (Фумико Канэко и Кадзуо Курихара 4. Неясный заговор с бомбой)

27 января 1924 года прокуратура окончательно связала план ввоза взрывчатки со всем обществом и сообщила, что это дело является «планом восстания тайного общества корейцев, воспользовавшегося Великим землетрясением», обвинив таким образом всю организацию, практически не участвовавшую в заговоре. Это было уловкой японского правительства, чтобы уйти от общественного осуждения массового убийства корейского народа и их бурных протестов. Однако попытка отвести внимание провалилась, когда прокуратура освободила всех членов «Ропотников», кроме Еля, Фумико и Джун Хана из-за недостаточности доказательств. (Анархист-активист движения за независимость доктор Пак Ель)

На одном из заседаний Фумико воскликнула:

“ «Все люди — это люди, и только по этому одному сведению заслуживают на равенство. Достижению наземной равной человеческой жизни попирает, так сказать, могущественный представитель сатаны — император!»

А затем:

“ «Нет никакого смысла жить просто так! В первую очередь лишь через деяния можно сказать, что живешь. Следовательно, когда я двигалась по собственной воле, никакая гибель тела не укажет на отрицание моей жизни, а наоборот подтвердит ее подлинность!»

(Юмэно Гиндзи. Всеобщее притюремное кладбище Тотиги — место погребения Фумико Канэко)

Помощь Курихары

Газета с фотографиями Еля, Фумико, Хацуе и Джун Хана.

(«Пак Ель» тщательные исследования исторических данных. Кадры из газеты 1920-х годов)

Позже, давая Дзякутэ Сэтоути интервью, Кадзуо рассказал, что «в любое время мог свободно входить в зал предварительного заседания». Предварительное слушание — это закрытая процедура, в ходе которой судья по предварительным расследованиям принимает решение о том, следует ли передавать дело в суд после того как прокурор выдвинул обвинение. Адвокаты не могут присутствовать на этом заседании. Кадзуо же, по его словам, свободно ходил туда и обратно. Очевидно, у входа стоял охранник, однако когда Курихара «проходил мимо», охранник «вынужден был пропускать его», но, по сути, это было просто узнавание. В то время Курихара носил длинные волосы и всегда был одет в красную рубашку, в которой прятал короткий кинжал.

Он давал Фумико книги и одежду. В письме от 16 июня 1925 года, адресованном Курихаре, Фумико пишет: «Спасибо за кимоно. Синяя касури* напоминает мне о временах усердной учебы, а рукава пахнут пудрой и курицей с рисом». «Может быть, я хочу попрактиковаться

сочинять стихи? Если подражать, то я хочу подражать ему», — просила она принести ей сборник стихов Такубоку Исикавы.

** Касури — это техника ткачества, в которой используются предварительно окрашенные нити, называемые касури, в качестве основы. «Касури» относится к японским и рюкюским тканям.*

Фумико писала много стихов танка** в тюрьме, но, наверное, она бы не стала сочинять, если бы Курихара не принес ей сборник Такубоку.

*** Танка — 31-слоговая пятистрочная японская стихотворная форма.*

В том же письме Фумико писала, что *«хочет, чтобы он ей крайне срочно принес еще бумаги»*, то есть принести ей бумагу для рукописей. *«Хочу какую-то не грубую, не слишком гладкую и большими листами. Еще чтобы места для фуриганы** были широкие»**, — ее заказы были подробные. Фумико начала писать свои тюремные записки *«Что меня побудило сделать так?»* летом того же года.

**** Фуригана — подсказки сверху иероглифа, подсказывающие его чтение.*

*Фотография Фумико в камере за написанием мемуаров.
(Девушка анархистка из Японии, о которой мы не знали)*

Фумико адресовала Курихаре письмо «Мои желания по поводу редактирования». «Что касается стиля письма, то он должен быть упрощенным и откровенным», «Насколько это возможно хочу избегать использования слишком красивых поэтических выражений (пропуск)», — это было очень на нее похоже. Она, вероятно, была готова к цензуре и посчитала, что может доверить Курихаре свой дневник. И это оказалось правильным решением. В 1931 году, уже после смерти Фумико, Курихара опубликовал «Что меня побудило сделать так?» в издательстве «Сюндзюся». (Юмэно Гиндзи. Всеобщее притюремное кладбище Тотиги — место погребения Фумико Канэко)

Последние годы заключения

Статья в японской газете того времени с фотографией Фумико и Еля, входящих в зал суда в ханбоках (корейских национальных одеяниях).

(Анархист-активист движения за независимость доктор Пак Ель)

15 февраля 1924 года Фумико Канэко, Пак Ель и Ким Джун Хан были обвинены в незаконном обращении со взрывчатыми веществами. А 21 мая того же года дело Фумико перевели из Томигаи в тюрьму Ичигая. 7 июля 1925 года предварительное следствие прекратилось, а 17-го Фумико Канэко и Пак Елю были выдвинуты полноценные обвинения по статье №73, т.е. «государственной измены».

С 25 октября 1923-го по 7 июля 1925 года у Фумико Канэко в общей сложности прошло 23 допроса (если считать после до 30 сентября 1925-го, то прибавляется еще +5, что в сумме составляет 28 допросов за 2 года), у Пак Еля — 21 (с 24 октября 1923-го по 6 июня 1925 года. По дальнейшим допросам нет данных).

Также Фумико Канэко и Пак Ель во время судебного заседания.

(Биография «Анархист Пак Ель: «Я — сын собаки»)

30 сентября 1925 года было решено начать процесс судебного заседания.

12 октября генеральный прокурор Кояма направил письмо-заключение судье Тоесимае, председательствующему судье Второго особого уголовного отделения Верховного суда, в котором говорится, что дело должно быть передано на рассмотрение Верховного суда. 28-го Верховный суд принял решение о начале судебного разбирательства, а 14 ноября для подсудимых были назначены адвокаты Тацудзи Фусэ, Сусуму Камимура и другие.

Фотография Тацудзи Фусэ.

(«Свет Востока». 100-летие Декларации независимости)

26 февраля 1926 года первый судебный процесс представлял допрос (Образ жизни Фумико Канэко. Хроники Фумико Канэко 2). Перед началом судебного разбирательства Пак Ель выдвинул судье четыре условия:

1. Не обращаться с ним как с преступником,
2. Предоставить ему равное место с судьей,
3. Разрешить ему носить корейскую официальную одежду,
4. Использовать корейский, а не японский язык.

Фумико и Ель во время судебного заседания.

(Жизнь Фумико Канэко, спутницы Пак Еля и активистки движения за независимость Японии)

Японская судебная власть частично удовлетворила его требования, и в суд он явился вместе с Фумико в традиционной корейской одежде, обосновав это словами «*мы отстаиваем угнетаемый корейский, а не японский народ! Дайте нам переводчика!*». Он отвечал на вопросы в разговорном стиле, развязав беспрецедентную судебную борьбу. Кроме того, он заранее написал «Теорию заговора», «Мое заявление» и «Ропотник заявляет японскому правящему классу» и прочитал их, разоблачая преступления японского императора. (

Анархист-активист движения за независимость доктор Пак Ель)

Пак Ель в речи «Мое заявление»:

“ «Грабеж угнетенных правящим классом и богачами, господство могущественных держав над другими народами, дискриминация пэкчонов*, которую можно наблюдать среди корейского народа — самого угнетенного народа, или притеснение, которое можно наблюдать среди рабочих — старших рабочих по отношению к новичкам, — крайне бессмысленное и сильное чувство превосходства, жажда завоеваний, жажда господства, а следовательно, самое глупое и отвратительное право сильного! Только это и есть подлинная, неотъемлемая природа человека и великий закон природы. Я не настолько наивен, чтобы отвечать на вашу ненависть любовью. Я также не настолько безумен, чтобы уступать вашему эгоизму. И я не настолько добр, чтобы без сопротивления принимать ваше насилие. Все это — отвратительное лицемерие. Подобная рабская позиция означает потворство вашим непростительным злодеяниям и оказание им тайной поддержки. Я на такое не пойду!»

(Пак Ель)

* Пэкчон — термин, обозначающий класс, существовавший на Корейском полуострове с древних времен. В современном понимании это были так называемые мясники, которые забивали и разделывали животных, таких как крупный рогатый скот и свиней, для продажи. Во время династии Чосон они принадлежали к низшим слоям простого народа и в обществе считались ниже рабов, которые считались низкорожденными. В начале периода Чосон они рассматривались как серьезная социальная проблема. В результате даже в современной Южной Корее термин «пэкчон» имеет негативный оттенок. Естественно, что небрежное обращение к мясникам или связанным с ними специалистам с использованием этого термина может считаться крайне невежливым. (Пэкчон)

Также он в «Ропотник заявляет японскому правящему классу»:

«Император - это главарь шайки разбойников под названием государство. Идол грабительской компании и одновременно объект поклонения. Я хотел бомбами уничтожить все что, обладает реальной политической и экономической властью в Японии, но поскольку это было невозможно, я выбрал объектами императора и кронпринца. С точки зрения корейца, причины выбора их в качестве целей были следующими: во-первых, чтобы раскрыть японскому народу правду о японской императорской семье и низвергнуть всю ее святость в грязь; во-вторых, чтобы разрушить японскую императорскую систему для корейского народа и пробудить в корейских массах стремление к независимости; в-третьих, чтобы вдохнуть революционный дух в кажущееся застойным японское общественное движение. Для этого использование взрывчатки во время свадьбы принца я считал наиболее подходящим моментом, чтобы заявить всему миру о воле корейского народа в отношении Японии. Я совершенно не признаю ценность закона или суда, поэтому мне все равно, подпадает ли это под 73-ю статью Уголовного кодекса. Решайте сами!»

(Пак Ель)

Фумико и Ель во время заседания Верховного суда перед вынесением смертного приговора.

(23-летняя Пак Мун Джа)

27 февраля на втором судебном заседании они были обвинены в смертной казни, а 28-го адвокаты возражали и предоставляли аргументы в пользу подсудимых на третьем заседании.

1 марта на последнем была лишь последняя адвокатская речь. Пак Ель не присутствовал.

13 марта 1916 года Фумико Канэко написала письмо другу в Фуэ:

“ «Большое спасибо за письмо, господин Х, меня переполняют эмоции, которые я едва могу описать!.. Воспоминания тех дней возвращаются ко мне, нить за нитью, сейчас я в слезах. Господин Х, как выглядела моя жизнь тогда Вашими глазами? Возможно, она казалась счастливой, но в глубине души, господин ..., мне интересно, не завидовала ли я вашей свободной жизни, Мицу, Окоцу, господина Сусуму и Акиры... Господин Х, моя зависть к этой свободе привела меня к идеологическому движению, и в результате сегодня я стою здесь как анархистка... (пропуск). Господин Х, пожалуйста, расскажите мне о местонахождении ваших родителей... И если вы знаете, господин Хаттори, господин Тотори, как поживают дома моя теть (Ивасита), Омуцу, Есикацу, Омаки, Акира после того, как у них родился ребенок?... [...] Судебный процесс, наверное, состоится весной следующего года. Нам назначили 7 адвокатов! Но я отказалась, хотя мои товарищи и друзья на свободе были подавлены и не хотели допускать моей смерти просто так, поэтому я набралась сил и согласилась давать показания. Я пишу рукописи каждый день в тюрьме. Как видите, я уже пользуюсь этой ручкой и этой

бумагой к вам в письме. Г-н Х. Я очень скучаю по вам. Пожалуйста, продолжайте писать мне как можно чаще. Я буду стараться писать вам так часто, как смогу. Ну что ж, я пойду! Передаю привет моему мужу.
Следственный изолятор Ичигая, одиночная камера, Фуми Канэко, Г-ну Х»

Выпуск газеты «Осака Асахи Симбун» за 29 марта гласит:

«Пак и его жена находятся в тюрьме, не зная о помиловании. Как у них дела сегодня? Фумико, очевидно, беспокоится о муже»... Четыре дня спустя после приговора... Адвокат Джин Джик Хен, приехавший из самой Кореи, в последнее время присылает им еду, оплачивая все их питание. В отличие от скромного рациона Пака, состоящего из стакана молока и куска хлеба на завтрак, пайка за 35 сен и ужина вечером, завтрак Фумико состоит из двух яиц и пайка за 50 сен с особым разрешением добавлять сладкое. Пак заменил свой паек за 50 сен на более дешевый, потому что считает его слишком расточительным. Фумико, не зная об этом, беспокоилась о муже и написала Джину: «Пак любит мясо, поэтому, пожалуйста, пусть ест как можно больше мяса», и недавно курьер прислал ему свежие овощи в соответствии с ее просьбой. Однако с момента вынесения приговора никому из них не разрешили видеться между собой или с родственниками вообще. Однако матери Фумико, которая приехала из префектуры Яманаси, дали особое разрешение, и она смогла увидеть изменившееся лицо своей дочери всего на пять минут во время вынесения приговора, затем мать была вынуждена покинуть тюрьму, не оставив времени для разговоров, лишь только слезы. Тем временем Пак почти не читал после приговора. Казалось, будто он тайком готовился к смерти, так как вечером 27-го числа вернул в пункт доставки полный комплект одежды, в которую был одет в первый день суда. Фумико работала над своими записками и закончила их, поэтому была поглощена чтением полного собрания сочинений Ноэ Ито. Писатель Иносукэ Наканиси и его жена очень заботились о ее повседневных потребностях, за исключением еды. Во время вынесения приговора Фумико разрешили носить повседневную одежду, поэтому госпожа Наканиси даже потрудились подарить ей одно из своих кимоно. Говоря о ее недавней жизни в тюрьме, директор Акияма сказал: «В целом, похоже, ничего не поменялось. Она просыпается в 6 утра и ложится спать в 8 вечера, и вместо того, чтобы быть энергичной, она проводит время в тишине, читая и сочиняя письма. ... Когда я встретился с ней во время вынесения приговора и спросил, как она себя чувствует, она просто сказала, что никак...»

(Образ жизни Фумико Канэко. Хроники Фумико Канэко 2)

Самоубийство в тюрьме Тотиги

Газета вещает про вынесение смертного приговора.

(Образ жизни Фумико Канэко. Хроники Фумико Канэко 2)

В 15 году периода правления Тайсе (1926) 25 марта обоих окончательно приговорили к смертной казни по причине государственной измены, однако 5 апреля, под предлогом «императорского милосердия», приговор был смягчен путем замены на пожизненную каторгу и директор тюрьмы Ичигая вручил им указ об амнистии.

Однако поговаривают, что Фумико Канэко со словами «вы играете с жизнями людей, убивая их или позволяя им жить, как вам заблагорассудится. Что это за особое помилование? Значит, я должна подчиняться вашим прихотям!?» в порыве гнева разорвала эту бумажку на клочки.

Фумико и Еля разделили. Ее отправили в женскую колонию Тотиги (недалеко от города Уцуномия)*, а он остался в той же тюрьме Ичигая вплоть до 1945 года.

* Женская колония, известная как тюрьма Тотиги: если заключенный умирает, и нет лица, которое могло бы взять ответственность за его труп, то его похоронят на всеобщем кладбище. В моей работе «Блог Гиндзи: тюрьма Тотиги и выставка исправительных колоний» написано, что стены тюрьмы ощущаются меньше. В женской колонии стены ниже на метр, чем в обычной тюрьме, из-за «ласки и заботы по отношению к прекрасному полу». (Юмэно Гиндзи. Всеобщее притюренное кладбище Тотиги — место погребения Фумико Канэко)

В тюрьме власти следили за тем, чтобы Фумико не совершила самоубийство, потому что, по сути, император приказал сохранить ей жизнь. Как ни странно, в тюрьме женщинам приходилось плести канаты из пеньки. Сначала она отказывалась, но 23 июля 1926 года попросила дать ей работу. В те дни она усердно работала, и в один день дежурный охранник заглянул к ней в 6:30 и увидел, что она старательно скручивает веревку. Однако, когда через десять минут ее перепроверили, она безвольно висела на той же веревке, привязанной к решетке на окне. [...] [В отчете врача] выражалось удивление «решительным, тщательно продуманным и спокойным способом самоубийства» (Всплески народных настроений. Пак Ёль, Канэко Фумико и корейский анархизм). Оформить вскрытие трупа поручили заведующему лазаретом тюрьмы — Томэзо Аватагути, который на сегодняшний день является прадедом нынешнего главврача той же больницы.

Кадзуо Курихара описал происходящее в тот момент в предисловии к тюремным заметкам Фумико.

“ «Незабываемое 27 июля 1926 года. Местное отделение тюрьмы Тотиги в районе Кассэнба, близ города Уцуномия, префектура Тотиги. На холодном полу у окна обнаружено похолодевшее тело Фумико Канэко. 26 июля на 23 году жизни Фумико навсегда попрощалась с этим миром»

(Кадзуо Курихара. Неизгладимое зрелище)

Харуми Сэтоути в «Весне на полях» пишет:

“ «Она (Фумико Канэко) написала собственную автобиографию («Что меня побудило сделать так?»). Ее случайная встреча с Пак Елем, ставшая для нее роковой, а затем последующее самоубийство в тюрьме Тотиги, совершенное рывком на одном дыхании в стремительном и массовом потоке времени, меня привлекли еще больше. В особенности миг ее одинокого конца, ведь какое же изобилие силы духа у нее было, чтобы с резвой волей собственными руками накинуть веревку на шею? Я хочу узнать это...»

Кажется восхитительным то, к каким размышлениям привязалась Харуми.

Фумико покончила жизнь самоубийством, потому что «наказание смертной казни, полученное из-за сопротивления государственному могуществу, по мнению Фумико, было уже решено. Она отрицала возможность подарить ей жизнь, потому что это бы обесчестило ее. Она твердо решила, что ничто иное, как самоубийство, — это метод отстоять собственную мысль». (Юмэно Гиндзи. Всеобщее притюремное кладбище Тотиги — место погребения Фумико Канэко)

Подробнее о тюрьме Тотиги

Как описано в брошюре под названием «обход по культурным ценностям поселка Цуга», выданной комитетом по образованию поселка и историко-этнографическим музеем:

“ «Тюрьма, где до окончания правления Токугава приводились в исполнение смертные приговоры для преступников. Сейчас на территории тюрьмы находится мемориальная башня»

С указанием на район Кассэнба. На данный момент поселок Цуга входит в состав города Тотиги, однако позиция местоположения, показанная на карте, неправильная: место в брошюре лежит на расположении бывшего «квартала красных фонарей Кассэнба», который на 39 году эпохи правления Мэйдзи (1906) был образован из мэсимори-гостиницы* Кассэнба (из истории поселка Цуга).

* Давным-давно около станции Кассэнба на линии Тобу Никко был квартал красных фонарей. В период Эдо, когда был проложен тракт Рэйхэйси Кайдо, это место процветало как почтовый город. Почтовые города были обязаны предоставлять лошадей и людей для путешественников, находившихся на государственной службе сегуната. Взамен, под предлогом заботы о нуждах путешественников, разрешалось нанимать проституток, которых называли «мэсимори он'на» (т.е. женщинами, подающими рис), и заниматься проституцией. Такие заведения назывались «мэсимори хатаго» (т.е. гостиницами, в которых подают рис). Это и стало истоком кварталов красных фонарей. (Юмэно Гиндзи. Всеобщее притюремное кладбище Тотиги — место погребения Фумико Канэко)

Местные иногда называют это место «полигоном обезглавливаний». Полигон обезглавливаний — это место для исполнений смертных приговоров. Сохранившимся здешним отпечатком следов «кары» на данный момент служит притюремный могильник Тотиги площадью 400 цубо (1322 м²). Если проезжать по главной дороге в Тотиги с направлением к городу Канума, то на въезде в район Кассэнба будет виадук Тобу Никко, и если перед ним свернуть влево на окружную дорогу, а затем снова повернуть налево и продолжать движение, то с правой стороны будет большое всеобщее кладбище.

Кладбище огорожено проволочной сеткой, заперто и недоступно для посещений. В центре фасада можно увидеть стоящий каменный памятник с надписью «массовое захоронение». Слева статуя Дзидзо (статуя бодхисатвы, покровителя умерших молодыми), справа возведена башня. Тихое местечко... Свободный клочок, окруженный жилыми домами...

Место, наполненное странной атмосферой.

Автор Фудзиро Сакамото в «Деревенских записках», в издательстве 55 года эпохи Сева (1980), упоминает об «казнях в Кассэнба». Он описывает историю о том, что в 12.3 году Мэйдзи (1879-1880) в роцце Кассэнба произошла казнь. О ней он услышал из уст своего отчима.

“ «В Тотиги, в день исполнения приговора, рано утром заключенному связали руки и ноги и посадили боком на лошадь. Его голова безысходно опустилась... А позади на рикше сидели исполняющий судья, начальник полиции и заведующие тюрьмой» и также «площадка для исполнения приговора, демонстративного обезглавливания, находилась в уголке роцци, и там же недалеко в ручейке палач умывал отрубленную шею. А затем монах, держа эту голову, напевал сутры»

Женская колония, известная как тюрьма Тотиги: если заключенный умирает, и нет лица, которое могло бы взять ответственность за его труп, то его похоронят на всеобщем кладбище. В моей работе «Блог Гиндзи: тюрьма Тотиги и выставка исправительных колоний» написано, что стены тюрьмы ощущаются меньше. В женской колонии стены ниже на метр, чем в обычной тюрьме, из-за «ласки и заботы по отношению к прекрасному полу».

Захоронение

金子文子が埋葬されていた敷地

«Место временного погребения Фумико»

(Юмэно Гиндзи. Всеобщее притюремное кладбище Тотиги — место погребения Фумико

Канэко)

В 15 году эпохи правления Тайсе (1926) ранним утром 31 июля на притюремном кладбище в поселке Цуга была похоронена Фумико Канэко. Днем ранее некие явились для того, чтобы проверить причину смерти и забрать тело для ингумации, и после переговоров со стороной администрации, наконец, получили его. Группа пришедших состояла из защищавшего Фумико адвоката Тацудзи Фусэ, родной матери Кикуно Канэко, товарища Курихары, врача Ютаки Мадзимы и еще нескольких других человек.

Харуми Сэтоути, посетившая то самое кладбище, видела высеченную на камне фразу: *«Умершие в одиночестве — похоронены вместе с такими же умершими в одиночестве. И поэтому в знак соболезнования их душам построен Дзидзо»**. *«Все незабранные останки заключенных, похоже, зарыты на этом кладбище. И Фумико в том числе... Мать не забрала ее, поэтому и она была однажды похоронена там»* — замечает Харуми.

* Дзидзо — статуя бодхисатвы, покровителя умерших молодыми.

Стоя на месте ее временного захоронения, *«совершенно беззвучная тишина не кажется принадлежащей этому миру... И когда камышовки и горлицы переставали петь, я ощущала, что меня уносит к тому таинственному месту далеко в горах Кореи, где покоится Фумико»* — заключила Харуми. Работа Харуми Сэтоути, в уже наши дни Дзякуте Сэтоути, оживляет Фумико Канэко. Надеюсь, что по возможности явится на это место еще раз, чтобы прочитать сутры. (Юмэно Гиндзи. Всеобщее притюремное кладбище Тотиги — место погребения Фумико Канэко)

Кремация

Ровно в 3 часа ночи на рассвете ночная роса, равномерно опустившаяся на бурьян, растущий по всей территории тюремного кладбища, бледно сверкала от едва освещающего ее лунного свечения. Листья, окружающих со всех сторон полотнищ рисовых полей, ослепительно блистали в нашем молчании. Ощущение, как будто место захоронения буквально погрузилось в объятия смерти. Лишь едва слышны звуки топота нашей группы, продвигающейся все дальше и дальше вглубь погоста, который охватило причудливое напряженное чувство взволнованности.

Позже, положив рядом с могилой несколько цветков хризантем, мы принялись раскапывать. Засыпанный старым хлопком и опилками на глубине 4-х сяку* (1.21 м) в сырой почве гроб, где вяло лежал вздутый от влажности труп Фумико с опухшим широким лбом, толстыми, выступающими вперед, губами. Казалось, что если задеть пальцами, то кожа лица скользко стянется. И если не было бы отличительного лба, коротко подстриженных волос, то, кажется, никто бы даже и подумать не смог, что это она. Безжалостный образ, на который невозможно взглянуть во второй раз при здравом рассудке. Также стоял резкий запах гнили и разложения.

* Японская мера длины, единица которой составляет примерно 30.3 см.

Опуская эти неприятности, мы погрузили пропитавшийся сыростью гроб на телегу и отправились в поездку длиной с две ри**, медленно отдаляясь от места временного захоронения, к крематорию. 5 часов утра, темное восточное небо начало пропускать лучики рассвета, мало-помалу начинался новый день. (Кадзуо Курихара. Неизгладимое зрелище)

** Японская мера длины, единица которой составляет примерно 3.9 км

Могила Фумико в Корее.

(Успех фильма в прокате значительно увеличил число посетителей Мемориального зала Пак Еля)

На склоне корейского холма в уединенном месте, забытом даже Пак Елем, который после освобождения из тюрьмы вернулся в Корею, чтобы сыграть активную роль в движении за объединение Северной и Южной Кореи. Он стал довольно видным чиновником в Северной Кореи и скончался в 1974 году. (Микисо Ханэ. Тюремные мемуары японки)

Замечания Харуми Сэтоути

金子文子の母キクノ 正式に結婚していなかったため文子は“私生児”としての苦しみを味わった 文子の死後 8月布施弁護士宅で

Фотография Кикуно Канэко в доме Тацудзи Фусэ, сделанная в августе 1926 года

Интересующаяся этой темой Харуми Сэтоути узнавала об этих зрелищах в письмах от кучера г-на Цунэдзиро Кобаяси, который на рикше привез группу из гостиницы «Коекан» к месту захоронения, а затем проехал вперед к поселку Хинодэ, где находился крематорий, чтобы кремировать тело. Также Цунэдзиро в письме писал: *«когда мы открыли крышку гроба, область шеи была как будто повреждена, однако, присмотревшись внимательнее, все было в порядке»*. (Кадзуо Курихара. Неизгладимое зрелище)

Харуми Сэтоути изучает и также в частности хочет посетить дом матери Кикуно Канэко в Ямакаси, где Фумико проводила свой досуг до 16 лет, развалины школы в Фуэ и таинственный край в глубине гор — всеми забытый курган, покрытый сорными травами и плющом, где находятся останки Фумико. (Юмэно Гиндзи. Всеобщее притюренное кладбище Тотиги — место погребения Фумико Канэко)

Словарь и краткие описания

Для заинтересованных в самостоятельном поиске какой-либо информации — в скобках будут указаны написания названий и имен на оригинальном языке источников, так как всего лишь вбив русское слово, вы, вероятно, ничего не найдете из-за непопулярности самой темы во-первых; неимоверно крошечного количества русскоязычных источников во-вторых. Советуем искать информацию на японском или корейском языках.

Список лиц:

Фумико Канэко (яп. 菅野 文子) — анархистка и нигилистка

Кикуно Канэко (яп. 菅野 清) — мать Фумико Канэко

Хацуе Нияма (яп. 日守 八重子) — лучшая подруга Фумико Канэко

Кадзуо Курихара (яп. 栗原 健) — товарищ Фумико Канэко, издавший ее тюремные записки

Пак Ель (яп. 朴 英 , кор. 박영) — корейский анархист и социалист, национальный освободитель и герой Кореи

Ким Джун Хан (яп. 金 俊 漢) — товарищ Пак Еля, приехавший из Сеула

Тацудзи Фусэ (яп. 藤 田 武) — адвокат, защищавший Фумико Канэко и Пак Еля

Сусуму Камимура (яп. 木村 すすむ) — адвокат, защищавший Фумико Канэко и Пак Еля

Томэзо Аватагути (яп. 阿波 多末三) — заведующий тюремной больницей Тотиги

Ютака Мадзима (яп. 高木 英) — врач

Цунэдзиро Кобаяси (яп. 小林 宗一) — водитель рикши, перевозившей тело Фумико Канэко

Ноэ Ито (яп. 伊藤 野) — анархистка-феминистка, христианка и писательница

Харуми (или Дзякутэ) Сэтоути (яп. 瀬戸 友美) — писательница и буддийская монахиня

Иносукэ Наканиси (яп. 中野 実) — пролетарский активист и писатель

Общие понятия:

Семейный реестр «Косэки» (яп. 戸籍) — официальная книга семейного реестра, созданная с целью контроля власти за динамикой населения страны

Издательство «Сюндзюся» (яп. 春樹社) — японское издательство, основанное в 1918 году

Газета «Токио ничи-ничи Симбун» (яп. 東京日日新聞) — ежедневная токийская газета

Газета «Йомиори» (яп. 読売新聞) — одна из главных японских национальных газет

Газета «Осака асахи Симбун» (яп. 朝日新聞) — одна из главных национальных газет, ныне именуемая просто как «Асахи Симбун», то есть «ежедневная газета»

Школа английского языка «Сэйсоку» (яп. 成生学校) — школа, где учились и познакомились Фумико Канэко и Хацуе Нияма

Ресторан «Социалистический Одэн» (яп. 社会主義者食堂) — ресторан, где работала Фумико Канэко, познакомилась там с Пак Елем

Гостиницы мэсимори (яп. 待合所) — гостиницы для путников с услугами проституции

